

Илья Анхазова

*Там, где
заканчиваются
все дороги...*

Илья Апхазава

Там, где заканчиваются все дороги...

<https://litres.ru/73961833>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майские дни 1945-о года, Прага, Чехословакия. Для Третьего Рейха наступила пора принять безоговорочное, неизбежное поражение. Война проиграна, столица занята врагом, фюрер мёртв. От надежды на победу не осталось и следа, сражаться больше не за что. И пока победоносная Красная Армия добывает остатки некогда непобедимого Вермахта в Берлине, практически сломленной и побеждённой немецкой армии в Праге приходится схлестнуться в кровопролитном бою против своих вчерашних союзников. "Русская Освободительная Армия" при поддержке местного населения поднимает народное восстание. Обескровленной и истощённой германской армии остаётся лишь безнадежно держать оборону. Но, это лишь полбеды. Сколь незавидная участь ждёт каждого немецкого солдата, когда в Прагу войдут войска Красной Армии? Отчаяние, боль, страх, фанатизм, предательство, ненависть, горечь поражения, раскаяние и искупление, - обо всём этом нам поведаёт обер-ефрейтор 253-й пехотной дивизии Вермахта, Йохан Штраусс.

Содержание

Часть первая.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Илья Апхазава

Там, где заканчиваются все дороги...

Часть первая.

**Из дневника Йохана Штраусса, обер-ефрейтора
473-о пехотного полка 253-й пехотной дивизии.**

7-е мая 1945-о года. Прага, Чехословакия.

Сон? За последние двое суток я, пожалуй, напрочь забыл, что означает это слово. Канонада не стихала последние несколько часов и вовсе не намеревалась сдавать обороты. Ещё вчера оборону старогодомишки, местоположение которого никто из живых уже не в силах вспомнить, держали сорок человек. Сегодняшний рассвет встретили только восемнадцать.

Восемнадцать храбрецов, истоптавших за последние пять лет своими сапогами половину Земного Шара; ещё не так давно гордо державшие в своих крепких руках знамёна своей Отчизны, входя в города и поселения неведомой им досе-

ле страны и строившие грандиозные планы о переломе старых устоев неполноценных, недостойных существовать народов, и построении на обломках «Старого Мира» нового, единственно правильного и чистого порядка, теперь отсчитывали последние минуты до своей бесславной и страшной Смерти, которая неумолимо шла за ними по пятам.

Бремя победителя? Смешно сказать. Я сомневаюсь в том, что кто-либо из этих восемнадцати храбрецов воистину мог позволить себе хранить и лелеять в глубинах своего сознания надежду на то, что на Том Свете лавры «Арийца-Завоевателя» облегчат их и без того нелёгкую долю.

Реальность отнюдь не жестока, она бесчеловечна. И с каждым часом я всё сильнее убеждался в том, что нет предела Её бесчеловечности.

Только ближе к девяти часам утра оглушающий гул выстрелов и разрывов снарядов стих. словно сам кумир древних язычников, Бог-Громовержец, даровал нам свою милость и дал хоть на несколько мгновений насладиться роскошью долгожданной тишины.

- Есть кто живой!?! Отзовитесь! – послышалось откуда-то с верхнего этажа. В этом возгласе отчётливо узнавались интонации нашего командира, майора Штайнера. Я уловил в этом голосе надежду на то, что хоть кто-то ещё сможет ответить майору и дать ему хоть какую-то надежду на то, что и

наш, и его собственный «Судный Час» ещё не наступил.

- Кто остался на первом этаже!?! – вторил другой голос, я не смог сразу распознать кому он принадлежал. Это место словно физически меняло нас от мгновения к мгновению. Голоса молодых людей, самым младшим из которых не было даже и девятнадцати лет срывались на хриплые басы умудрённых годами и лишениями старцев, выдавших триумфы тевтонской военной машины ещё во времена войны с Францией в далёком семьдесят первом году.

- Только мы с Францем! Шрёдер и Фукс мертвы! – этот голос я не мог спутать ни с одним другим. То был Клаус, самый молодой и при этом самый везучий из нашего отделения. Я вздохнул с облегчением, мой самый близкий друг был жив. Надолго ли?

Откуда-то из других помещений на одном этаже с позицией Штайнера послышались и другие отклики.

- Мы живы! Мы живы! Мы живы! – без устали повторяли счастливики, уцелевшие в этом Аду.

Один я не мог проронить ни единого слова. Взрывной волной от разрыва снаряда, выпущенного из миномёта меня отбросило к кирпичной стене. Можно сказать, что я был в буквальном смысле слова впечатан в интерьер этого непримечательного здания. Однако, долго оставаться «декорацией» не входило в мои планы. Не был решён наш старый спор с Клаусом (жаль, что последние записи об этом сгорели ещё вчера на рассвете во время обстрела; надеюсь, что в ближай-

шее время я смогу их восстановить... если уцелею...). Я не мог даже открыть рот и выдать из себя хриплым, сдавленным голосом «Я жив». Руки мои будто вовсе больше не принадлежали мне. Я не мог даже пошевелить ими, чтобы дотянуться до лежащей менее, чем в полуметре от меня рукоятки пистолета-пулемёта. Адская боль в конечностях словно сдавила мои голосовые связки. Не удивился бы я, если мои товарищи давным-давно успели похоронить меня, ссылаясь на красноречивое молчание. Оно и понятно, зачем же мертвецу разбрасываться ненужными словами?

Лишь через несколько минут пребывания в состоянии полной обездвиженности смог я хоть немного повернуть голову вправо. Видит Господь, лучше бы я лишился зрения и не смог лицезреть тот ужас, что открылся мне. Трое моих товарищей, с которыми мы держали оборону на втором этаже были мертвы.

Ближе всех ко мне расположился Эрих. Точнее то, что осталось от моего старого друга ещё со школьных времён. Я не мог поверить в то, что эти обезображенные останки, разбросанные почти по всему этажу, когда-то были живым человеком. Сознание отказывалось это принимать. Обезглавленное тело Эриха лежало буквально в метре от меня. Последнее, что я помню это душераздирающий крик Эриха «Ложись!» и последний обречённый взгляд в мою сторону.

Томасу и моему однофамильцу, Франку Штрауссу, повезло больше. Если вовсе уместно так выразиться. Я не знаю,

как они встретили свою смерть. К тому времени, как Эрих был уже мёртв, а я угодил в крепкие объятия Морфея, Томас и Франк ещё держали оборону. Перед тем, как погрузиться в непроглядную тьму я ещё слышал очереди из пистолет-пулемёта и одинокие одинокие, громогласные, отзывавшиеся от стен эхом выстрелы из винтовки. Видимо, в сложившейся ситуации эти попытки дать отпор наступающей орде не дали ожидаемого моими товарищами эффекта. Я увидел Томаса, неподвижно опиравшегося на перила лестницы, ведущей на третий этаж. Он словно был ещё жив, склонив голову к полу. Франк лежал буквально в шаге от него, прямо у его ног. Я не мог на тот момент даже представить, как они погибли. И не хотел знать, понимая, что подобная участь в скором времени ждёт и меня.

Расклад был явно не в нашу пользу. Из восемнадцати человек, занявших оборону менее четырёх часов назад, к этому моменту в живых осталось не больше тринадцати. И ведь я ещё не имел представления о том, как обстояли дела на позиции Штайнера. Дело могло обстоять ещё хуже, чем мне могло показаться сквозь пелену непроглядного облака пыли.

Может и хорошо, что я никогда не владел языком русских, как, судя по всему, и все остальные мои товарищи (не считая офицеров; выживший на тот момент Штайнер, насколько мне было известно владел их языком достаточно, что-

бы знать, когда идти в атаку или когда нам должно занять глухую оборону), ибо среди непрерывного потока криков с их стороны я мог услышать в том числе и новости о том, что к ним в скором времени подоспеет подкрепление. Я тешил себя лишь призрачной надеждой на то, что в разбитое разорвавшимся снарядом окно, моему взору предстанет воодушевляющая картина хаотично носящихся по полю брани русских солдат, не решающихся войти в здание и ожидающих неминуемой участи поражения. Кто бы мог знать, каков расклад окажется на самом деле.

- Вставать в полный рост самоубийство! – мелькнуло у меня в голове. – Коварный враг только этого и дожидается!

Встать в полный рост? Смехотворно. В эту самую секунду я буквально страдальчески размышлял лишь о том, как бы суметь повернуть своё непослушное тело хоть в какую-то противоположную от своего изначального положения сторону. В то же время не выходили из головы мысли о везунчиках с первого этажа. Как же им удалось выжить, при всём том, что на нашем рубеже кроме Вашего Покорного Слуги не осталось ни одной живой души? Значит ли это, что русские не стараются пробиться атакой в лоб, а более жестоко и изощрённо изматывают нас, засевших на позициях повыше, в надежде на то, что уцелевшие сдадутся? Догадываются ли они сколько нас здесь осталось? Если и догадываются, то почему не нападают, посылая вперёд передовые отряды? Неужто озверелые русские предатели не в состоянии спра-

виться с обессиленными и измотанными "тевтонцами"? Что-то в их действиях не давало мне покоя, лишь порождая всё новые и новые вопросы, на которые ответы находились крайне неохотно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.